

Дело науки. Как социальная история социальных наук может служить их прогрессу

1995

Социальная история социальных наук — это не просто одна из многих социологических дисциплин. Она является исключительным инструментом критической рефлексии, необходимым условием коллективной и индивидуальной прозорливости. Несомненно, она может также служить злопамятству и злорадству, когда от неё ожидают лишь удовлетворения, не опасаясь ответного протеста и разоблачения, или гарантированной выгоды от защиты «правого дела», давно утратившего свою актуальность. Она получает право на существование, только если ей удаётся раскрыть предпосылки, вписанные в само основание научных институтов прошлого, которые, часто в неявной форме, воспроизводятся всем научным коллективным наследием в виде проблем, понятий, методов или способов работы.

Из амнезии генезиса — почти неизбежного следствия рутинного отношения к наследству, принимающего форму дисциплинарной доксы — способен вывести только анамнез, возможный благодаря исторической работе. Лишь воскрешение прошлого способно дать каждому исследователю средства понять свои самые фундаментальные теоретические пристрастия, как, например, приверженность, чаще всего неявная, тем или иным редко формулируемым положениям относительно природы человека, которые определяют важные теоретические и методические решения (когда идёт речь о выборе философии действия), а также эпистемологические симпатии и антипатии по отношению к авторам, способы мышления и формы выражения. Социальная история социальных наук — самый необходимый и самый безжалостный инструмент критики страстей и интересов, которые могут скрываться за безупречной внешностью самой строгой методологии. Привилегия социальной науки в том, что она может взять в качестве объекта исследования своё собственное функционирование и способна помочь осознать ограничения, влияющие на научную практику. Таким образом, она может пользоваться знанием и сознанием, которые у неё имеются относительно своих функций и своего функционирования, чтобы постараться избавиться от некоторых препятствий, стоящих на пути прогресса знания и сознания. Тогда, вместо того чтобы разрушать свои собственные основания, приговаривая себя к

релятивизму, о чём много говорили, такая рефлексивная наука может дать основания для реальной научной политики (Realpolitik), направленной на обеспечение прогресса научного разума.

Двойственное положение социальной науки

Научное поле есть социальный универсум, частично автономный по отношению к потребностям глобального пространства, в который оно встроено. В определённом смысле это мир как все остальные, как поле экономики, например. Значит, в нём существуют отношения силы и борьбы интересов, свои коалиции и монополии, и даже свои виды империализма и национализма. Но что бы ни говорили защитники «сильной программы» в социологии науки, это одновременно и особый мир, наделённый своими собственными законами функционирования. Все свойства, которыми оно обладает наравне с другими полями, принимают в нём специфическую форму. Например, какой бы жёсткой ни была в нём конкуренция, она подчиняется если не эксплицитным правилам, то по крайней мере автоматическим регулярностям, как те, что следуют из взаимного контроля конкурентов, и которые в конечном итоге конвертируют социальный интерес, такой, как желание признания, в «интерес познания», то есть переводят это своего рода *libido dominandi*, всегда являющееся составной частью *libido sciendi*, в *libido scientifica* — чистую любовь к истине, которой логика поля, функционирующего как инстанция цензуры и принцип сублимации, приписывает свои легитимные цели и легитимные способы их достижения.

Сублимированные импульсы, свойственные этому специфическому *libido*, направлены на в высшей мере очищенные объекты и в самом своём существовании и по форме удовлетворения неотделимы, несмотря на всю свою силу, от практического признания требований, вписанных в социальное функционирование поля, внутри которого они могут быть удовлетворены. Из этого следует, что строгое качество научных продуктов существенно зависит от строгости специфических социальных принуждений, управляющих их производством; или, точнее, от уровня независимости по отношению к социальному миру, к его требованиям и ожиданиям, тех правил и регулярностей, что управляют этим социальным микрокосмом и определяют условия, в которых реализуются, обсуждаются, критикуются или транслируются научные результаты.

Положение поля социальных наук сильно отличается от положения других научных полей. Поскольку объектом социальных наук является социальный мир, и они претендуют на производство научного представления об этом мире, каждый из специалистов в этой области находится в отношениях конкуренции не только с другими учёными, но и с другими профессионалами символического производства (писателями, политиками, журналистами), и, более широко — со всеми социальными агентами, стремящимися с помощью различных символических средств и с разными шансами на успех навязать своё видение социального мира (используя средства, имеющие своим источником сплетни, оскорбления, злословие или клевету, вплоть до пасквилей, памфлетов или публичных выступлений, не говоря уже о таких коллективных и институционализированных формах выражения мнения, как

голосование). Это одна из причин того, что социальная наука не может столь же легко, как другие науки, получить признание на монополию легитимного дискурса о своём объекте, на которое претендует по определению, если хочет быть наукой. Её внешние конкуренты, так же как иногда и внутренние, всегда могут апеллировать к здравому смыслу, в противовес которому конструируется научное представление о мире. Они могут даже взывать к такому методу оценки, как общественное мнение, что свойственно политике (особенно когда поле политики теряет свою автономию из-за популистской демагогии, создающей видимость того, что каждый имеет власть и право судить обо всём).

Таким образом, с точки зрения уровня автономии по отношению к внешним принуждениям, общественным или частным, социальная наука балансирует между двумя полюсами. С одной стороны, это наиболее «чистые» научные дисциплины, такие как математика, где конкуренты являются единственно возможными клиентами производителей этого поля (которые, имея такие же способности и интересы, что и производители, согласны признавать их продукты только после тщательной проверки). С другой стороны — это поле политики, религии или даже журналистики, где мнение специалистов всё чаще и чаще подчиняется вердикту «количества», принимающему самые разные формы, будь то плебисцит, опрос, уровень продаж или аудимат, и где за неспециалистами признается. Аудимат от фр. *audimat*) — автоматическая система измерения аудитории некоторого теле- или радиоканала. Происходит от двух слов: *audi (metre)* — аппарат, используемый для измерения распределения времени аудитории между несколькими способностями осуществлять выбор между продуктами, которые они не всегда в состоянии оценить (и ещё менее — произвести). (*auto — mat — ique* — автоматический. — Прим. пер.)

Итак, мы имеем две совершенно разные логики. С одной стороны — это логика поля политики, где сила идей всегда частично зависит от силы групп, которые их считают верными. С другой — логика поля науки, которое, в своём самом «чистом» состоянии, не знает и не признает ничего, кроме «внутренней силы истинной идеи», как говорил Спиноза: научные споры не решаются с помощью физического столкновения, политического решения или голосованием, сила аргументации, особенно когда поле сильно интернационализировано, в большей мере зависит от того, насколько положения или процедуры согласуются с логическими правилами и соответствуют фактам. И наоборот, в поле политики побеждают положения, которые Аристотель в «Топике» называет эндоксическими: это положения, с которыми обязаны считаться потому, что люди, с которыми считаются, хотели бы, чтобы они были истинными; а также потому, что они являются частью доксы, здравого смысла и обыденного восприятия, то есть того, что наиболее распространено и чаще всего разделяется, и поэтому логика количества работает в их пользу. Благодаря этому, подобные «сильные идеи» способны получить признание, поскольку опираются на силу группы, хотя и могут совершенно противоречить логике и опыту. Поэтому они не являются ни истинными, ни даже вероятными, но одобряемыми, в этимологическом смысле слова, то есть способными получить максимальное согласие и бурные аплодисменты [1].

Два принципа иерархизации

Из этого следует, что производители поля социальных наук, как и поля литературы, где идёт борьба между «чистым» и «коммерческим», имеют возможность обращаться к одному из двух противоположных принципов иерархизации и легитимации — научному или политическому, которые в нём противостоят, не имея возможности навязать своё абсолютное господство. Так, например, в отличие от наиболее автономных научных полей (где сегодня никому не придёт в голову отрицать вращение Земли), здесь могут продолжать существовать и даже процветать логически несостоятельные или несовместимые с фактами положения, так же как могут процветать и те, кто их защищает, при условии, что они наделены как внутри, так и вне поля социальным авторитетом, способным компенсировать их недостатки или слабости. Это же верно и для научных проблем, понятий и таксономии: некоторые исследователи могут, например, переводить социальные проблемы в проблемы социологические, вводить в научный дискурс понятия (*profession*, роль и другие) или таксономии (индивидуальный/коллективный, *achievement/ascription* и другие), взятые непосредственно из обыденного языка, и использовать в качестве инструментов анализа термины, которые сами должны быть исследованы.

Поэтому необходимо понять социальные механизмы, присутствующие даже в самых автономных научных полях, которые препятствуют установлению научного *pos'a* в качестве единственного критерия оценки научных практик и их продуктов. Общим источником всех этих препятствий для установления научной автономии и безграничного доминирования научного принципа оценивания и иерархизации является система факторов, способных помешать игре свободной конкуренции равных, то есть тех, кто обладает некоторым необходимым набором минимальных навыков, коллективно достигнутых в рамках социальной науки и являющихся условием участия в собственно научных дебатах. Другими словами, это факторы, допускающие в игру либо в качестве игроков, либо в качестве судей (например, в виде журналистской критики) чужаков, лишённых этой компетенции и склонных вводить внешние по отношению к полю нормы производства и оценивания, такие, как здравый смысл и «здравомыслие».

Таким образом, конфликты, имеющие место в социальных науках на которые иногда ссылаются, чтобы отказать им в научном статусе), могут относиться к двум совершенно разным категориям. В первом случае собственно научных конфликтов те, кто усвоил коллективные достижения своей науки, вступают в противоборство в соответствии с логикой, отвечающей проблематике и методологии, которые напрямую следуют из научного наследия, объединяющего их даже в борьбе за его сохранение или преодоление. Причём их преданность этому наследию проявляется именно в виде накопленных разрывов с ним, возможность и необходимость которых вписаны в само это наследство. Их столкновения принимают форму регулируемой дискуссии, в которой относительно явным образом определённой проблематике используются точно очерченные понятия и однозначные методы проверки. Во втором случае политических конфликтов, имеющих научное измерение (конфликтов, несомненно, социально неизбежных и поддающихся анализу), научно вооружённые производители вынуждены сражаться с производителями, которые в силу разных причин, таких, как старение, недостаток образования или незнание минимальных требований ремесла исследователя, лишены специфических инструментов производства, оказываются ближе к ожиданиям профанов и одновременно имеют больше шансов их

удовлетворить. Это является основанием согласия, которое спонтанно устанавливается между некоторыми исследователями, теряющими былую силу, деклассированными или обделёнными, и некоторыми журналистами, которые, не понимая специфической проблематики, сводят различия в компетенции к различиям точек зрения (политических, религиозных и тому подобное), которые способны взаимно релятивизироваться [2].

Политический консенсус и научный конфликт

В чисто научном конфликте социальный запрет не может ничего исключить из дискуссии, ни один объект, ни одну теорию. Это не значит, что исключительно социальное оружие, аргумент авторитета или даже просто университетская власть полностью исключены, по праву или фактически, из пространства средств, пригодных для дискуссии. Из этого следует, что, несмотря на внешнее сходство, *working consensus* академической ортодоксии очень далёк от этой своего рода войны всех против всех, которая в действительности тщательно регулируется, когда речь заходит о выборе легитимного оружия и легитимных ударов. Именно такую ортодоксию пытались установить американские социологи в 1960-е годы, и, в некоторой мере, французские защитники «Новой истории», используя исключительно социальную власть, в первую очередь институты образования, официальные издания, профессиональные ассоциации и даже доступ к ресурсам, необходимым для эмпирических исследований. Не стоит видеть в этой этической и политической индифферентности консерватизма хорошего воспитания, которая может переживаться как «объективное» безразличие «беспристрастного наблюдателя» или как «ценностная нейтральность», единственный принцип, определяющий теоретические конструкции. Тем не менее, она может осознать себя и реализоваться только в теоретических и методологических построениях, гарантирующих уважение к некоему слабо уловимому консенсусу социального мира. Более широко, эта индифферентность может осуществиться в любом виде дискурса, который в силу своего формализма способен говорить о социальном мире, отрицая его, то есть так, как будто о нём и не говорят, или в исследованиях, которые благодаря позитивистской установке стремятся научиться измерять без проблем «данные» так, как они себя представляют [3]. Именно это американские социологи стремились найти в теориях Парсонса и Мертсона и в методологии Лазарсфельда — унифицированный корпус теоретических положений, способный дать основание для *communis doctorum opinio* структурированного корпуса «профессионалов», который имитирует консенсус «научного сообщества», то есть то, что мы считаем главной характеристикой науки, достойной этого имени [4]. В действительности, неявное одобрение набора необсуждаемых предпосылок, на которых покоится авторитет корпуса докторов, теологов и юристов, а также историков (особенно историков литературы, искусства и философии, которые не очень склонны подвергать историческому анализу набор своих текстов, то есть изучать их производство), является антиподом явного согласия относительно объектов и ставок разногласий, относительно методов и процедур, которые можно использовать, чтобы примирить эти разногласия.

В действительности, *working consensus* ортодоксии, основанной на социальном пособничестве докторов, стремится проводить социальную цензуру (облачённую в одежды научного контроля) либо напрямую, в виде запретов, иногда эксплицитных, когда речь идёт о публикациях и цитировании, либо в более завуалированной форме, через процедуры рекрутирования, которые, функционируя как сеть или лобби и таким образом выдвигающие на первое место социальные критерии более или менее замаскированные под научные или академические, стремятся закрепить определённые позиции, важные для производства и, следовательно, для научной конкуренции, за некоторыми категориями агентов, определяемыми совершенно социально: обладание престижным дипломом, занятие некоторых социальных позиций в образовании или в исследовательском мире, или, наоборот, а priori исключая другие категории, например, женщин, молодёжь или иностранцев [5].

И хотя глубокие трансформации, произошедшие в социальных науках, особенно — значительный рост числа тех, кто ими занимается, несомненно, сыграли серьёзную роль в деле падения ортодоксии, они не настолько однозначны [6]: освободительные последствия формирования нескольких конкурирующих принципов видения и, как следствие, интенсификации собственно научной конкуренции сопровождалась как усилением Гетерогенных факторов, связанных с ростом распылённости «специалистов», что ослабляет регулируемую дискуссию между равными, так и усилением открытости по отношению к внешнему давлению, просьбам и предписаниям, к которым, как и в любом поле, особенно чувствительны те, кто обладает наименьшими капиталами [7].

Короче, хотя иерархизированная и искусственно унифицированная система 1950-х годов уступила место, как говорит Беккер, системе «полицентричной», которую труднее контролировать, поскольку она раздроблена и более разнородна, способ функционирования поля социальных наук, как в Соединённых Штатах Америки, так и во Франции, всё ещё далёк от состояния развитой науки и ближе к художественному полю периода эмансипации от академического покровительства, где противники могут доходить до того, чтобы отказывать друг другу в праве на существование [8]. По крайней мере, во Франции специалистам в области социальных наук продолжают навязывать (особенно в виде потребности во «властителях дум») либо литературную модель индивидуального и оригинального «творца», свободного от любых связей с группой или школой, либо нормы постоянного обновления и определённого шика, свойственные миру высокой моды.

В силу слабости механизмов, способных навязать участникам минимум взаимного признания, или подчинение своего рода законам войны, что ведёт к тем же последствиям, столкновение между различными традициями всё ещё часто принимает форму тотальной войны (Рэндалл Коллинз называет её «wars of metatheories»), где допустимы любые виды оружия, идёт ли речь о презрении, позволяющем экономить на дискуссиях и обоснованных опровержениях, или об ударах, использующих социальные механизмы (такие, как сокращение финансирования или постов, цензура, клевета, обращение к журналистскому влиянию и так далее).

Двойственные эффекты интернационализации

Каковы механизмы, которые могли бы способствовать освобождению научной иерархии от влияния на неё иерархии социальной? Что нужно делать, чтобы уничтожить или ослабить двойственность принципов иерархизации, которая, как было показано на примере Франции, не допускает наиболее научно признанных внутри страны и за границей исследователей до позиций, влияющих на воспроизводство корпуса преподавателей и учёных и, как следствие, на будущее поля и его автономию? [9]. Каковы социальные силы и механизмы, на которые могли бы опираться индивидуальные и особенно коллективные научные стратегии, стремящиеся к действительному установлению универсального спора, являющегося условием прогресса универсального, между исследователями, которые лучше всех наделены наиболее универсальными для данного момента инструментами?

Несомненно, наиболее эффективным средством прогресса научной автономии могла бы стать действительная интернационализация поля социальных наук. На самом деле, давление социального заказа или других социальных принуждений реализуется главным образом на национальном уровне в виде различных материальных и символических стимулов и заказов, присутствующих в национальном пространстве: поскольку множество социальных механизмов (журналистских, университетских, политических и других), вмешивающихся и вносящих посторонние элементы в научную борьбу, существуют и поддерживаются только на национальном уровне (общая оппозиция, которая наблюдается во всех научно-университетских полях, устанавливается между «националистами», обладающими властью над воспроизводством корпуса, и «интернационалистами»), то большинство фиктивных оппозиций, разделяющих исследователей, связаны с местными различиями или специфической локальной формой более общих различий. Это означает, что поле социальных наук всегда было интернациональным, но чаще в его худшем варианте. Во-первых, потому что даже в самых чистых науках, где существует, например, квазимонопольная концентрация инстанций публикаций и посвящения, международное поле может быть местом, где также проявляются феномены доминирования, и даже специфические формы империализма. Во-вторых, потому что обмены, и особенно заимствования, реализуются по принципу структурных гомологии между позициями, занимаемыми агентами в различных национальных полях, то есть почти исключительно либо между доминирующими, либо между подчинёнными (со схожими процессами непонимания и искажения внутри этих подпространств). Всё это заставляет думать, что социальные механизмы, препятствующие всеобщему свободному обмену, только усиливаются в результате своего рода институционализации политически фундированных различий.

В 1950-е годы некоторые временно доминирующие социологи сумели создать невидимый интернационал, основанный на сходствах, существующих больше в силу причин социальных, чем интеллектуальных, и составляющих основу ортодоксии. Сегодня, вследствие студенческого движения конца 1960-х годов и коллективного травматизма, вызванного им у целого поколения профессоров от Беркли до Берлина, прежде

неформальные связи трансформировались в сети, организованные вокруг фондов, журналов, ассоциаций, и консерватизм хорошего воспитания этих хранителей ортодоксии уступил место открытым заявлениям и ультраманифестам настоящего реакционного интернационала [10].

Новым в этой ситуации является то, что существует, но в виртуальном и неорганизованном состоянии, интернационал аутсайдеров, состоящий из всех тех, кого объединяет их маргинальность по отношению к доминирующему течению, как это происходит с этническими и сексуальными меньшинствами. Эти «маргиналы», часто являющиеся новичками, вносят в поле разрушительные и критические диспозиции, никогда не подвергающиеся достаточной научной критике, которые толкают их к разрыву с рутинной академического истеблишмента. В своей борьбе против ортодоксии или того, что её заменяет в том или ином случае, они часто заимствуют оружие у иностранных научных течений, способствуя, таким образом, интернационализации поля социальных наук [11]. Однако интересы, связанные с позицией, занимаемой в поле рецепции, оказываются основанием ошибок при выборе и восприятии заимствований, поскольку они сами структурированы в соответствии с категориями восприятия и оценивания, порождёнными некоторой национальной традицией, и часто поэтому совершенно неадекватны. (В силу того, что произведения циркулируют независимо от своего контекста, работы, принимающие свой смысл по отношению к определённым пространству точек зрения, будут восприняты сквозь призму категорий восприятия, сконструированных по отношению к совсем другому пространству, структурированному вокруг других имён собственных, других «-измов» или, напротив, тех же понятий, которые, однако, имеют совсем другие смыслы, и так далее)

Это означает, что вместо того, чтобы автоматически способствовать движению к высшему уровню универсализации, эволюция интернационального поля социальных наук в сторону большего единства, особенно через интернационализацию борьбы, местом которой оно является, может всего лишь способствовать распространению в мировом масштабе пар фиктивных оппозиций, глубоко пагубных для прогресса науки (я использую выражение «мировой», чтобы не обращаться к исключительно порочному слову «глобализация»): таких, как качественные и количественные методы, макро и микро, структурный и исторический, оппозиции между герменевтическим или интерналистским подходом («текстом») и экстерналистским («контекстом»), между объективистским видением, часто ассоциируемым с использованием статистики, и субъективистским, интеракционистским или этнометодологическим; или, точнее, между объективистским структурализмом, направленным на определение объективных структур с помощью более или менее сложных количественных техник (path analysis, network analysis, и так далее), и всеми формами конструктивизма, которые от Блюмера до Гарфинкеля, не забывая Гоффмана, стремились уловить с помощью различных так называемых качественных методов представления о социальном мире, имеющиеся у агентов, и тот вклад, который они вносят в их конструирование; не говоря уже об оппозиции, принимающей особенно драматическую форму в Соединённых Штатах Америки, между «эмпирией», часто занимающейся микроскопическими проблемами и избегающей фундаментальных вопросов, и «теорией», считающейся особой специальностью и чаще всего сводящейся к компиляциям и комментариям канонических авторов или к школярным trend reports по поводу плохо прочитанных и плохо переваренных работ.

Если бы международные институты являлись настоящим инструментом научной рационализации, которым они могли бы и должны были бы быть, то они бы способствовали проведению международного исследования по крайней мере, на уровне объекта) относительно социальных оснований (пол, возраст, социальное происхождение, школьная траектория, положение в университетской иерархии, специфическая техническая компетенция и тому подобное), влияющих на «выбор» между двумя полюсами различных «теоретических» и «методологических» оппозиций, которые, с точки зрения науки, производят совершенно искусственные деления среди исследователей. Этот анализ несомненно показал бы (в данном случае не рискованно выдвинуть такую гипотезу), что большинство этих оппозиций основаны только на социальных различиях, существующих в поле социальных наук и выражающих, в более или менее превращённой форме, внешние оппозиции. Причём я думаю, что у меня очень мало шансов быть услышанным руководителями этих институтов (и я почти не рискую ошибиться): зачем бы они стали беспокоиться о том, чтобы наделить эти инстанции действительными функциями, если они им кажутся достаточно обоснованными уже в силу того, что обосновывают их собственное существование? И всё-таки разумно надеяться, что однажды рассерженный молодой исследователь возьмётся за проект, который спустит на землю, изучив страсти и интересы, ассоциированные с различными позициями поля, так называемые «теоретические» или «эпистемологические» точки зрения по поводу главных оппозиции своего времени, на которые, в прямом или превращённом виде, исследователи проецируют свои недостатки, связанные с их научной конечностью, как люди на Бога у Фейрабаха.

Эта критика социальных оппозиций, загранированных под эпистемологические, является действительно трудной и рискованной ещё из-за того, что, рассматривая такие парные термины (например, макро/микро) с точки зрения социальной дифференциации, можно увидеть, что они редко рядоположены, и один из полюсов всегда больше отражает позицию социально и часто научно подчинённых как в поле (особенно через социальные характеристики тех, кто их защищает), так и вне его, хотя о последнем судить значительно труднее. Так что исключительно научное решение отказаться от восприятия их как альтернативных может быть воспринято как результат своего рода консервативного равнодушия. Тем не менее, ничто так не противоречит прогрессу автономной социальной науки, как искушение популизма: тот, кто верит, что «служит делу» подчинённых (например, сегодня в Соединённых Штатах Америки это по преимуществу дело сексуальных или этнических меньшинств), или во Франции 1970-х годов — «делу народа», и при этом отказывается от научной строгости иногда из-за её элитистского характера, или ещё более наивно, из-за её связи с консервативными обязательствами, в действительности не служат тому, что, по их мнению, они защищают, поскольку такая защита тесно связана, по крайней мере, в той её части, что касается именно исследователя, с делом науки.

Редукция к «политике» — то, к чему приводит незнание специфической логики научных полей, — означает отречение, если не сказать измену: свести исследователя к роли простого активиста, не имеющего других целей и средств, чем обычный политик, значит отказать ему в его специфике как учёного, способного предоставить незаменимое оружие науки для достижения преследуемых целей; а также, помимо всего прочего, способного дать инструменты для понимания границ, накладываемых на критику и действия активистов социально детерминированными диспозициями самих активистов. Эта критика

часто сводится к простой инверсии точки зрения доминирующих и поэтому легко обратима, что доказывает столько биографических траекторий [12]. Но при этом стоит иметь в виду, что протестные или даже революционные диспозиции, вносимые в поле некоторыми исследователями и, как можно было бы надеяться, автоматически ведущие к критическому разрыву с доксой и ортодоксией, могут также приводить к подчинению внешним давлениям и предписаниям, среди которых самыми очевидными являются политические лозунги. Эти диспозиции могут произвести действительно специфическую революцию только при условии, что они сочетаются с усвоением исторических достижений поля (в сильно автономном научном поле революционеры с необходимостью специфические капиталисты): знание и осознание возможного и невозможного, вписанного в пространство возможностей, приводит к тому, что это пространство действует одновременно и как система ограничений и цензуры, заставляющая переводить разрушительный порыв в научный разрыв, и как матрица всех решений, которые в определённый момент времени могут быть классифицированы как научные, и только эти и никакие другие.

За программу «Realpolitik» в науке

Таким образом, несомненной заслугой критики ортодоксальных взглядов и основных принципов видения и деления является то, что она разрушает фиктивный консенсус, подавляющий дискуссии, хотя, с другой стороны, может приводить к делению на антагонистические группы, участники которых твёрдо убеждены в абсолютном превосходстве их точки зрения, что тоже недопустимо. Поэтому необходимо работать над созданием инстанций, способных противостоять тенденциям раскола, вписанным в ситуацию множественности точек зрения, создавая условия для дискуссий в логике рефлексивности. Точка зрения, которая воспринимается как таковая, то есть как вид, открывающийся с определённой точки или позиции в поле, способна преодолеть свою частичность; например, когда в дискуссию вводится представление о социальных основаниях различий точек зрения. Однако реального прогресса научного разума в социальных науках можно достигнуть не только в виде эпистемологического предсказания, даже вооружённого рефлексивной социологией поля научного производства, но также в виде трансформации всей организации научного производства и обращения, в частности форм обмена, в ходе которых и посредством которых реализуется логический контроль. Именно здесь может применяться Realpolitik разума, вооружённого рациональным знанием социальных механизмов, действующих в поле социальных наук как на национальном, так и интернациональном уровне.

Подобная политика может иметь своей целью усиление всех механизмов, способствующих унификации мирового поля науки (создавая условия для научной циркуляции); а также подрывающих господство существующих форм теоретического и методологического (или лингвистического) империализма; и с помощью систематического использования сравнительного метода, и, особенно, сравнительной истории национальных историй различных дисциплин, борющихся с засильем национальных и националистических традиций, часто переводимых в деления по специальностям и теоретическим и методологическим традициям, или в проблематику, навязанную особенностями или партикуляризмом с неизбежностью провинциального социального мира.

Что бы ни думал Хабермас, но трансисторические универсалии коммуникации не существуют; хотя бесспорно существуют социально установленные формы коммуникации, способствующие производству универсального. Логика встроена в само социальное отношение регулируемой дискуссии, базирующейся на топике и диалектике. Основания (topoi) есть видимое проявление общности проблематики, понимаемое как согласие относительно областей разногласия, которое необходимо, чтобы иметь возможность для дискуссии (вместо того, чтобы вести несколько параллельных монологов). Именно такое пространство игры необходимо сконструировать, но не на базе моральных предписаний и обвинений, а создавая социальные условия рационального спора, направленного на установление в международном масштабе не ортодоксального *working consensus*, основанного на общности властных интересов, и если уж не рациональной аксиоматической коммуны, то, по крайней мере, своего рода *working dissensus*, основанный на критическом признании того, что научно (а не социально) установлено как совместимое или несовместимое. Это пространство игры есть пространство свободы, которое социальная наука может создать сама для себя, смело стараясь познать социальные условия, влияющие на её функционирование, и стремясь установить технические и социальные процедуры, позволяющие эффективно, то есть коллективно, контролировать эти условия.

Примечания

1 Двойственность некоторых публичных дискуссий, претендующих на статус научных, неожиданно проявляется, когда публика выходит из своей пассивной роли, которая ей обычно приписывается, чтобы продемонстрировать своё одобрение тому или иному дискуссанта в виде более или менее продолжительных аплодисментов. И наоборот, какую жестокую, тираническую (в смысле Паскаля) реакцию профанов вызывает факт, когда один из участников обращается к риторической процедуре, которую Шопенгауэр считал примером вероломства, состоящую в использовании аргумента, на который противник может ответить, лишь используя аргументы, непонятные для слушателей.

2 Два принципа дифференциации не являются совершенно независимыми: конформистские установки, заставляющие принимать мир таким, каков он есть, и установки упрямства и непокорности, ведущие к неприятию внутренних и особенно внешних социальных принуждений и к разрыву с очевидными представлениями, разделяемыми всеми в поле и вне него, естественно, распределены не случайным образом между агентами, занимающими различные позиции в поле, и между траекториями, которые их к этим позициям привели.

3 Можно было бы показать, что неоклассическая экономика демонстрирует некоторые основные характеристики ортодоксии, имитирующей научность (причём с очень специфической эффективностью, которой она добивается благодаря математическому формализму). Например, неявное принятие предпосылок, не подвергающихся сомнению, относительно некоторых совершенно фундаментальных положений, таких как теория действия.

4 Например, теорию профессий [profession], в том её виде, как она представлена в статье, написанной Т. Парсонсом для «The International Encyclopedia of Social Sciences» (1968. — р.

536–546), можно понимать как профессиональное кредо [profession de foi professionnelle] тех «профессионалов», которые хотят быть институционализированными социологами. Согласно Парсонсу, профессионалы, характеризующиеся через своё интеллектуальное образование и авторитет, который больше опирается на экспертизу, а не на политическую власть, свободны от любой зависимости по отношению к государству и его бюрократии и действуют, заботясь исключительно о common good. Те же collectivity-orientation, «незаинтересованность» и «альтруизм», способные, как указывают большинство определений понятия профессии, гарантировать профессионалам максимальное материальное и символическое вознаграждение, можно найти в представлениях Мертон о научном сообществе. Короче говоря, предконструированное понятие профессии, этот концептуальный ready made, давший жизнь бесчисленным комментариям и критическим статьям, есть не столько описание социальной реальности, сколько практический вклад в конструировании социологии как профессии [profession] и её научного кредо [profession].

5 Те, кто во имя либерализма осуществляют действия, достойные самых авторитарных режимов, были бы первыми, кто стал бы разоблачать как «тоталитаризм» любое разоблачение практик, о которых пойдёт речь. Не имея возможности привести в качестве примера случаи из французской жизни, здесь было бы необходимо процитировать весь отрывок известной речи о «призвании и профессии учёного», где Макс Вебер ставит вопрос, обычно оставляемый для частных разговоров: почему университеты и исследовательские институты никогда ни отбирают лучших? Отрицая попытки вменить индивидам, в данном случае «маленьким людям факультетов и министерств», ответственность за то, что «такое большое число посредственностей несомненно оказывает влияние в университетах», он предлагает искать основания такого состояния вещей «в самих законах согласованных действий людей», которые при выборе папы или американского президента почти всегда приводят к выбору «кандидата номер два или три». И он иронично заканчивает: «Поэтому удивительно не то, что в таких условиях происходят ошибки, а то, что несмотря на все обстоятельства мы можем констатировать довольно значительное число справедливых назначений» (M. Weber. *Le Savant et la Politique*. Paris: Plon, 1959. — p. 66–67).

6 Говард С. Беккер в своей книге «Doing Things Together» (Evanston, Northwestern University Press, 1986. — p. 209) в главе «What's Happening to Sociology?» указывает, что число социологов, зарегистрированных Американской социологической ассоциацией, выросло с 2364 в 1950 году до 15 567 в 1978 году. То же верно и для Франции. За тот же период их число возросло примерно с 200 до 1000 (Социологическая ассоциация, использующая очень широкое определение, насчитывает в общественном и частном секторе 1 678 социологов). Если обратиться к более точным цифрам, то в 1949 году CNRS (Национальный центр научных исследований) насчитывал всего лишь восемнадцать социологов; в 1967 их уже было 112 в CNRS, 135 в Практической школе высших исследований и 290 в частных исследовательских центрах, или в сумме более 500 человек; в 1980 году 261 социолог был зарегистрирован только в CNRS.

7 Морфологические изменения, связанные с фактической или юридической отменой ограничений на занятие некоторыми профессиями, которые защищают корпус, гарантируя редкость его представителей, часто оказываются непосредственной причиной трансформаций различных полей культурного производства. В любом случае, они являются

специфическим посредником, с помощью которого действуют экономические и социальные изменения. Кроме того, форма, которую они принимают, интенсивность, с которой они реализуются, и эффекты, которые они производят, сами зависят от состояния структуры поля, где они происходят. Поэтому необходимо отказаться, понимая это как типичный пример ошибки короткого замыкания, от объяснений, которые устанавливают прямую зависимость между изменениями, произошедшими в некотором специфическом поле, таком, например, как социология, и глобальными изменениями, как, например, рост благосостояния, после Второй мировой войны (Wiley N. *The Current Interregnum in American Sociology*. // *Social Research*. Vol. 52.1. Spring 1985. — p. 179–207, особенно p. 183). Другой пример — объяснение изменений в социологии и истории, имевших место во Франции и Германии в 1970-е годы, через изменение политического климата в 68 году, то есть через изменения, которые сами связаны с морфологическими трансформациями в различных полях специализированного производства и с интеллектуальными инновациями, возникшими благодаря или ставшими возможными в результате этих трансформаций.

8 «Количественники с гордостью указывают на свою «математическую революцию» и высокий уровень достижений в вопросах статистических методов и иногда одинаково презирают всех остальных специалистов — явно смехотворное и абсурдное меньшинство качественников. С уверенностью, происходящей от того, что им больше не грозит «каменный мешок», социологи-марксисты отвергают «позитивизм» как отголосок ушедшей исторической эпохи. Исторические социологи (которые при этом могут быть и марксистами) отстаивают уникальность исторических конфигураций и необходимость помещения каждого объекта на своё истинное место в ряду совершенно специфических исторических событий. Этнометодологи отвергают «макросоциологию» как болтовню, лишённую всяких доказательств. А специфическая форма гуманистического парижского феноменологического структурализма и другие «позиции» с большим философским изяществом (и изрядной долей презрения к своим философски неграмотным соперникам) доказывают, что только их метод позволяет адекватно понять социальный мир» (Collins R. *Is 1980s Sociology in the Doldrums?* // *American Journal of Sociology*. Vol. 91.6. May 1986. — p. 1336–1355, особенно p. 1341).

9 Bourdieu P. *Homo Academicus*. Paris: Ed. de Minuit, 1988.

10 Эти сети формируются на базе взаимных услуг (приглашения, отчёты, финансирование), которые приводят к тому, что обращение к международному мнению, особенно в вопросах кооптации, не всегда является гарантией универсальности.

11 В общем виде импорт идей служит лучшим оружием во внутренних национальных конфликтах, особенно когда речь идёт о том, чтобы дискредитировать устоявшуюся позицию или поддержать новую и ускорить всегда трудный процесс начального накопления, то есть разрушить действующую социальную иерархию и навязать новые законы ценообразования (известно, например, как в полемике реальные или мнимые «космополиты» могут использовать идею национального «отставания»).

12 Очень показательны, что Фуко, ставший, по крайней мере в Соединённых Штатах Америки, святым покровителем (а не властителем дум), к которому неизменно взывают все субверсивные движения, подвергся такой редукции со стороны проповедников реставрации

(см. James Miller. *The Passion of Michel Foucault*. — New York, Simon and Schuster, 1993, а также критические замечания по этому поводу, сделанные Дидье Эрибоном в *Didier Eribon. Michel Foucault et ses contemporains*. — Paris: Fayard, 1994. — р. 22–30). Но сводя все работы Фуко к его гомосексуальности, они лишь переворачивают позицию тех, кто стремится его канонизировать, только потому что он был гомосексуалистом (см. David Halperin, *Saint Foucault. Two Essays in Gay Hagiography*. Oxford: Oxford University Press, 1995).

Версия #2

Зверобой создал 18 января 2026 03:12:46

Зверобой обновил 18 января 2026 04:04:59